

*Е.Л. Черткова*

### **Наука в контексте утопии: уроки истории\***

Проблематизация науки, рациональности, истины, объективности и других базисных категорий эпистемологии связана как с интерпретацией происходящих в современном знании изменений, так и с дефицитом рациональности и истинности в окружающей действительности. Это положение требует от философии нового осмысления места науки в культуре и в жизни общества, а также цели и смысла научной деятельности. В наше время «столпы общества» – политики и финансисты – все меньше прислушиваются к авторитетным ученым, руководствуются более всего сиюминутными интересами власти и наживы. Разразившийся «внезапно» финансово-экономический кризис отнюдь не случаен и является следствием более глубокой болезни, поразившей европейскую культуру, утеравшую ясные ценностные ориентиры человеческой жизни, в том числе и экономической деятельности. Абсолютизация ценности какой-либо одной ветви человеческой деятельности неизбежно приводит к деформациям в других сферах жизни общества. Сейчас доминируют ценности капиталистической экономики, раньше у нас доминировала коммунистическая идеология, идея построения принципиально нового общества и нового человека. Современный кризис наряду с угрозами экологической и даже антропологической катастрофы сигнализируют обществу о необходимости изменения этих пагубных тенденций. Как извест-

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-91306а/У.

но, существует только один выход из тупика – обратиться назад, осмыслить пройденный путь, найти истоки поражения и на основе этого понимания искать пути выхода из него. С этой целью мы попытаемся осмыслить существование науки в контексте утопии, превратившейся в государственную идеологию.

Наука как часть культуры неизбежно воздействует на другие ее элементы и сама, в свою очередь, испытывает их воздействие. Они могут быть внешними, стимулирующими или тормозящими научный прогресс, или определяющими формы включения результатов науки в контекст культуры, т. е. ассимиляции культурой данных науки. Но могут быть и внутренними, формирующими предмет исследования и даже влияющими в известной степени на выбор методов исследования и обоснования. Многие из этих воздействий давно попали в сферу интересов методологов и историков науки (как, например, включенность эстетического начала в процесс научного творчества), иные не так давно, но зато интенсивно разрабатываются (такие, как роль мифа в структуре науки). Но есть и такие, чье влияние на науку считалось исключительно внешним и проходящим, относящимся лишь к определенному периоду развития знания и потому не привлечшими к себе столь глубокого интереса. К последним принадлежит проблема взаимодействия утопии и науки, наименее исследованная как методологами, так и историками науки. В большей мере это относится к отечественной философии науки и эпистемологии, и связано это как с пониманием природы утопии, так и с ее реальной ролью в жизни нашего общества. Известно, что в марксизме, вынужденном постоянно защищаться от обвинений в утопизме и выступать его решительным критиком, утопия понималась как «недонаука», как донаучная (читай домарксистская) стадия в развитии социального знания, сохраняющаяся в современном научном сознании разве только как «пережиток» или рудимент интеллектуальной истории, утративший в процессе развития научной мысли всякое конструктивное значение. При таком понимании утопии проблема ее взаимоотношения с наукой может рассматриваться либо в контексте социокультурной детерминации науки, либо же в генетическом измерении как связь последующего с предшествующим (аналогично тому, как связаны химия и алхимия, астрономия и астрология и т. п.). Такие связи конечно существуют и в значительной мере исследованы (более всего в плане

заимствования социальными науками некоторых идей и идеалов относительно оптимизации жизни общества). Не осталось без внимания и обратное влияние научных идей и методов на утопию, как на ее содержание, так и на форму изложения. Это влияние особенно явственно обнаруживается в научно-технических утопиях, которые зачастую не отличить от творений научной фантастики, а также в социально-политических трактатах, пришедших на смену литературным утопиям. В данной работе объектом рассмотрения будет только влияние утопизма как особого типа сознания на сознание научное, проникновение утопических идей и методов в саму ткань научного исследования. Это имеет особое значение для понимания истории отечественной науки последнего столетия, и особенно первой трети XX в., когда влияние утопических идей на все сферы жизни, включая науку, было особенно неприкрытым и даже агрессивным.

Многие черты утопического сознания внешне совпадают с чертами сознания научного. Это, прежде всего, рациональность, критичность, проективность. Тем не менее сходство это не только внешнее, но и обманчивое, скрывающее подлинное лицо утопического сознания как сознания квазинаучного. Квалификация утопизма как псевдорационального и псевдонаучного сознания указывает на трудности их четкого разделения и невозможности построения линейной иерархии форм знания, в которой утопия, наряду с другими вненаучными и ненаучными формами сознания, образовывала бы низшую или подготовительную ступень познания, вершиной которого было бы знание научное. Но если нельзя строго отделить утопию от науки, то верно и обратное – мы не можем также отделить и науку от утопии. Элементы утопизма присущи любому типу сознания, в том числе и познавательному отношению к миру. Но подобно тому, как различные опасные для здоровья человека бактерии и вирусы могут обитать в организме человека, не причиняя ему существенного ущерба и лишь при определенных условиях являются возбудителями болезней, так и элементы утопизма в науке в благоприятных для развития последних условиях не причинят ей особого вреда и могут даже приносить пользу, пробуждая творческую фантазию. Однако насколько уместна утопия в сфере чистой мысли, настолько опасна она в политике, особенно когда торжествует установка на изменение мира. Тогда утопия из

игры воображения и отвлеченного размышления превращается в «практическую теорию», обретает функции идеологии и политики и преобразует все элементы иных форм сознания и знания, лишая их собственной специфики и доводя до гипертрофированных размеров неявно присутствующие в них элементы утопизма. Утопия создает свой собственный образ науки, видоизменяя ее основные цели и ценности, превращая науку, как и искусство, мораль, религию в средство реализации утопического проекта. Господство утопического сознания трансформирует все сферы жизни, втянутые в орбиту его влияния. Изменяется и весь облик науки – и как системы знания с присущей ей методологией, и как социального института со своим научным этосом. Теперь уже не истина, и не познание представляют её основополагающие цели и ценности. Ее предназначение – быть средством реализации утопических идей, поставляя технические средства для тотального преобразования природы и создания нового человека. Образцом нового человека в данном случае выступил пролетарий, точнее его идеологизированный и идеализированный образ, по меркам которого предполагалась грандиозная переделка мира.

Когда наука становится объектом порожденных утопическими идеями идеологических манипуляций, претендует на разрешение несвойственных ей проблем и берет на себя выполнение несвойственных ей функций, тогда она становится одним из элементов утопии, причем не утопического сознания только, но утопической практики. Такая ситуация сложилась в советской науке, особенно в период расцвета утопизма в 1920–1930-е гг. Но утопическое осмысление науки возникло значительно раньше в форме так называемого сциентизма, и свое наиболее полное выражение обнаружило в позитивизме и отчасти неопозитивизме.

В сциентизме в полной мере воплотилось специфическое для утопического сознания понимание идеала как эмпирического факта, т. е. как если еще и не реализованного на данном этапе развития науки, то непременно имеющего быть воплощенным в будущем, если строго следовать рекомендациям теоретика, в данном случае методолога и философа науки. На таком понимании идеалов научности основывается сциентизм. Научное знание, как оно представлено в наиболее «продвинутых» науках, например, физике, трактуется как уже достигнутый абсолютный и универсальный

идеал научного знания, являющийся вследствие этого образцом для познания всех иных областей действительности. Попытки философско-методологического обоснования и практической реализации такого идеала научности были предприняты позитивизмом и неопозитивизмом, история которых хорошо изучена и отражена как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Эталоном всякого знания (в том числе и метафизического, т. е. философского, этического и т. д.) было признано естественнонаучное, в первую очередь физико-математическое знание, трактуемое к тому же с позиций крайнего эмпиризма и феноменализма.

Как для утопизма в широком смысле слова, так и для сциентизма характерны гипертрофированная критичность, точнее даже негативизм в отношении всех иных способов познания, трактовка их как «ненаучных» или даже «бессмысленных». Критерием оценки всего предшествующего и современного знания служит, конечно, воплощение идеала в виде предлагаемой ими модели познания и концепции науки. Что же касается позитивной программы преобразования всего знания на «подлинно научной» основе, то, подобно тому, как социальная утопия погибает при попытке проверить ее в эксперименте, так и здесь мы видим череду сменяющих друг друга концепций, быстро обнаруживающих свою несостоятельность при попытках их воплощения, при столкновении с реальной практикой и историей науки.

Однако проявление утопизма в научном познании, в силу присущих ему критицизма и рефлексивности, отличается наименьшей «живучестью» по сравнению с иными формами сознания и деятельности – искусством, политикой, повседневным, или обыденным сознанием и т. д. И разрушается он не столько под ударами внешней критики, например, антиинтеллектуализма и иррационалистического направления антисциентизма, сколько вследствие внутренней критики, прояснения собственных философских и методологических оснований сциентизма. Именно по этому пути шла эволюция от позитивизма к неопозитивизму и затем переход к постпозитивизму, для которого утопический сциентизм уже не является определяющим и остается лишь в виде отдельных рудиментов. В работах К.Поппера, С.Тулмина, И.Лакатоса и особенно П.Фейерабенда приводится множество философских, методологических, логических и социологических аргументов, направленных

на опровержение сциентистского утопизма и развивающих *самокритику* научного разума. Они показали, что вопреки устоявшемуся в общественном сознании мнению, наука не имеет оснований претендовать на особый, исключительно высокий статус абсолютного знания и на наиболее полное воплощение идеала рациональности по сравнению с иными формами знания<sup>1</sup>. В этом мы видим принципиальное отличие научного типа мышления от утопического: научный критицизм направляется прежде всего на исследование собственных предпосылок, оснований и методов, тогда как утопический критицизм всецело обращен на предшествующие, последующие или наличные представления об обществе, которые не вписываются в предлагаемый идеал рационального устройства, оставляя без критического осмысления сам этот идеал.

Разоблачение сциентизма как формы утопии в науке не способно, конечно, полностью очистить научный разум от элементов утопизма, ибо, как мы пытались показать ранее<sup>2</sup>, утопизм свойствен человеческому сознанию, одной из форм которого является наука, как неизбежная плата за его обращенность к будущему и стремление к совершенству. Получаемые наукой от утопии импульсы не хуже и не лучше любых других – идущих от искусства, религии, поэзии и т. д. Главное, чтобы выполнив свою побудительную роль, они не превратились потом в кандалы, сковывающие свободное познавательное движение научной мысли, не пытались определять направление и *метод* научного исследования. Ибо в конечном счете именно метод определяет принадлежность идеи к науке, утопии или любому другому способу постижения мира. Не источник возникновения определяет характер и ценность идей (вспомним известные слова А.Ахматовой о произрастании стихов). Еще в 1922 г. В.И.Вернадский говорил в своей лекции о научном мировоззрении, что многие идеи, считающиеся теперь наиболее типичными, характерными для науки, не были получены путем непосредственно научного поиска, но вошли в науку извне – из религии, философии, общественной жизни, искусства. В качестве наиболее яркой иллюстрации своей мысли он напоминает о происхождении идеи числового выражения как универсального языка науки, пришедшей в науку из древнейшего искусства – музыки. И более того, своим проникновением в научные системы эти идеи обязаны религиозному вдохновению, прежде чем через Пифагора

и пифагорейцев концепции музыки проникли в науку и прочно закрепились в ней, преобразуясь из поиска гармонии звуков в искажение числовых соотношений.

Пример с идеями математического выражения научных истин имеет прямое отношение и к рассматриваемому здесь вопросу о влиянии утопии на науку. Наука неизбежно содержит в себе утопические идеи и импульсы, по крайней мере настолько, насколько она не чужда стремлению к *идеалу* научности. В.И.Вернадский показал, что даже сугубо научный язык математики выражает присущее человеку стремление к гармонии, к идеалу совершенства<sup>3</sup>. Идея полной формализации человеческого мышления имела явно выраженный утопический характер, причем утопичность ее обнаружилась вследствие упорных и очень серьезных попыток ее осуществления. Однако, будучи по природе своей утопичной, она, несмотря на это, сослужила науке великую службу, побуждая ученых к созданию ряда новых научных дисциплин, которые иначе едва ли бы возникли, например, математической логики, благодаря развитию которой обнаружилась как плодотворность, так и утопичность этой идеи.

Здесь мы видим как раз ту самую «плодотворную невозможность», с которой связана позитивная характеристика утопического сознания. Когда утопические идеи стимулируют научный поиск, но не превращают его исключительно в средство реализации иных, непознавательных целей, не превращают в строительный материал для утопии, т. е. когда наука сохраняет в неприкосновенности свой собственный метод и свои коренные цели, они способны раздвинуть горизонты познания. При этом важно, чтобы из стимула познания они не превратились в «священную корову», ради сохранения которой будет фальсифицироваться сам научный поиск. Однако в истории науки нередки случаи, когда утопические идеи, выполняя на начальном этапе стимулирующую роль, подчиняли себе в дальнейшем ход научного исследования, подменяя установку на поиск истины стремлением получить задуманный результат вопреки логике исследования.

Когда задачи переустройства мира и реализации идеала совершенства становятся определяющими в жизни общества и образуют основу его идеологии и политики, утопическое сознание получает благоприятную для своего роста почву и способно подчинить себе все иные стороны и способы познания и деятельности, в том

числе и науку, несмотря на наличие у последней наибольшего иммунитета против утопизма благодаря своей критико-рефлексивной способности. Такие «интервенции» утопии в науку можно видеть не только на стадии становления науки, но и на переломных этапах истории, когда утопическое сознание начинало занимать лидирующие позиции. Так было и во времена Великой французской революции<sup>4</sup>, и в еще более крупных масштабах с приходом Октябрьской социалистической революции в России.

Преобладание утопического сознания на всех уровнях жизни общества, начиная от политики и кончая повседневной практикой, не могло не повлиять на характер и пути развития отечественной науки, особенно на первых этапах становления советской науки, когда она формировалась под влиянием не столько гносеологических и теоретических, сколько идеологических и социально-политических проблем. Следствием этого явилась утрата наукой одного из решающих условий научно-познавательной деятельности – автономии по отношению к социальной среде, и прежде всего государству. И если в наше время вполне актуально звучат призывы П.Фейерабенда отделить общество от науки как поработавшей его силы ради защиты свободы граждан от всевластия науки, то для молодой советской науки этот же лозунг, не теряя своей актуальности, имел бы противоположное значение: освобождение науки от общества в лице тоталитарного государства и его всепроникающего идеологического давления ради свободного познания истины.

В направляемой утопическими стремлениями идеологии нет места для идеи чистого знания, для понимания науки как самоценной деятельности и автономного социального института. Для утопического сознания типичен утилитарный подход ко всем проявлениям жизни общества, в том числе и к науке, ибо все подчинено цели построения идеального общества и потому может выступать только в качестве средства. Высокий социальный статус науки и ученых в обществе обеспечивался отношением к ней как к наиболее эффективному средству решения революционно-утопических задач, она рассматривалась исключительно как действенное оружие власти, а не как нечто самоценное, что делает науку наукой, как поиск истины. Поэтому такое «однобокое» признание социальной ценности науки одновременно было и ее унижением, поскольку лишало ее значения как теоретического способа постиже-



ния мира. Такое отношение общества, в лице государства, к науке определяло и отбор субъектов научной деятельности с заданными качествами фанатичного служения прежде всего идее и государству, а уж потом истине. Мы не случайно говорим здесь об отборе, а не о каком-то вновь возникшем явлении, ибо в российской культуре к тому времени уже сформировались и широко бытовали идеи жертвенного служения народу в сочетании с идеей поиска правды-истины, понимаемой как единство истины и справедливости, а позднее и как классовой истины.

Наряду с гуманистическим стремлением к целостности человека и социальной справедливости, эта идея в ином, а именно утопическом социально-политическом контексте, оправдывает пренебрежительное отношение к объективной истине и рациональному идеалу познания<sup>5</sup>. Познание понимается прежде всего не как постижение мира, но как суд над действительностью – как социальной, так и природной. Ярким представителем такой позиции является ученик одного из идеологов социалистов-революционеров Н.К.Михайловского. Стремление теоретического сознания к постижению «истины в себе» подменяется здесь познанием «истины для человека», увидев которую человек получает возможность преобразования мира *по собственной мерке*. Такое понимание служит основанием для радикализации идеи «покорения природы». Свойственный утопизму антропоцентризм и титанизм, выразившиеся в чрезмерных претензиях человека на всевластие по отношению к внешнему миру, центром и смыслом которого он если и не является, то может стать по своей воле, Михайловский выражает вполне отчетливо и категорично: «Я – не цель природы, но у меня есть цели и я их достигну. Ничто не создано для человека, но он сам, силой своего сознания, становится в центре природы»<sup>6</sup>. Из этого прямо следует и свойственное ему, как и утопизму вообще, утилитарное понимание ценности науки: «И только ту науку признаю я достойною священного имени науки, которая расчищает мне жизненный путь, а не загромождает его и без того крепкой практикой... Мы требуем от науки служения нам, не военному делу, не промышленной организации, не цивилизации, *даже не истине*, а именно нам, профанам»<sup>7</sup>. А в другом месте Михайловский еще более определенно выражает свое отношение к истине как цели науки: «для науки... безразлично, истинно или призрачно познание природы само по

себе, – важно только, чтобы это познание удовлетворяло требования человеческой природы, поэтому над вопросом об истине, выше его наука ставит вопрос об условиях человеческой жизни...»<sup>8</sup>.

Если для Михайловского эти идеи пронизаны этическим и религиозным пафосом борьбы за свободу личности и ее гармоническое развитие, то в период подъема утопизма 20–30-х гг. XX в. прежние идеи и мотивы сплетаются в совсем иную мелодию. В эпоху тоталитаризма они трансформируются в идею «великого преобразования природы», приобретшую, по выражению В.П.Филатова, поистине «космократический» масштаб<sup>9</sup>. Энтузиазм радикального преобразования распространяется на все без исключения области мира, и прежде всего на самого человека, природные и духовные качества которого разительно не соответствовали тем требованиям, которым должен был отвечать тот самый «новый человек», ради счастья которого и затевались все эти преобразования. Средства же для такого глобального переустройства мира, больше напоминающего его новое творение, должна была поставлять новая наука, отличающаяся прежде всего своей практической направленностью, проективностью. Эта идея новой науки так же не является изобретением советских идеологов, но была ими воспринята в искаженном виде из русской философии, особенно из «Философии общего дела» Н.Ф.Федорова. Академичность «старой» науки, ее абстрактность, отвлеченность, оторванность от реальных, каждодневных потребностей человека вызывали у Федорова резкое осуждение. Природа, считал он, должна получить в лице человека своего полноправного «хозяина», а не простого и подчиненного ей «исследователя». «Повиноваться природе для разумного существа значит управлять ею, неразумною силою, ибо природа в разумных существах приобрела себе главу и правителя»<sup>10</sup>. Но в отличие от утопистов эпохи социализма, активизм и проективизм Федорова основан на «христианском натурализме»<sup>11</sup>. По отношению к познанию, в особенности к философии и науке, проективизм Федорова означает отождествление знания и бытия, слова и дела, ибо знание должно обращаться в дело, из пассивного умозрительного объяснения сущего стать активным проектом долженствующего быть. **Способность познания мира тождественна для него праву его всецелого преобразования.** И мы вполне согласны с обозначением его позиции В.В.Зеньковским как «гносеологического утопизма»<sup>12</sup>.

Послереволюционное утопическое сознание восприняло гносеологический утопизм Федорова, но вдохновлялось оно уже не христианскими идеями спасения и стремления к Царству Божию, а иными, всецело земными и мирскими задачами «переделки живой и неживой природы на благо трудового народа», сохранив при этом тот же религиозный по своим психологическим корням фанатизм, свойственный русскому революционному сознанию вообще<sup>13</sup>. Пафос глобального преобразования вдохновлял граничащие с мистицизмом поиски научных средств совершенствования человеческой природы, крайним и наиболее одиозным проявлением которого было учение об «органическом перерождении» людей в «новую биологию» Э.С.Енчмена, или попытки психологов создать нового массового человека как «живой и социально вышколенной машины»<sup>14</sup>.

Пожалуй, непревзойденной по своей грандиозности и абсурдности попыткой внедрения утопического сознания в сферу науки была «теория новой биологии» («т.н.б.») Э.С.Енчмена. Категорически порывая со всей предшествующей наукой (как, впрочем, и культурой) он настаивает на том, что его теория – «отнюдь не новая теория старой науки, т. е. отнюдь не «новая теория биологии». Как пишет о себе в третьем лице Э.С.Енчмен, «автор теории новой биологии в истории человечества не знает и отдаленно похожего или отдаленно равного по мощи органического события»<sup>15</sup>. Енчмен рассматривал свою «н.т.б.» как прямое следствие и конкретизацию идеологии марксизма, понимаемой как проект социальной утопии, в качестве средства для реализации которой она и предлагается. Продолжим цитирование этого фантазмагорического текста, адекватно пересказать который я не берусь. «Задачей автора теории новой биологии, – продолжает говорить о себе Енчмен, – является: ввести теорию новой биологии, т. е. ввести скрещение пятнадцати анализаторов, из которых состоит теория новой биологии, во все – по крайней мере человеческие, организмы современной ему революционной эпохи, т. е. вызвать органические катаклизмы, органические перерождения в миллиарде с лишним современных ему человеческих организмов...»<sup>16</sup>. С помощью «произнесения цепи суждений» Енчмен намеревается вытравить из человека все имеющиеся у него научные и метафизические понятия, с помощью которых он осознал и объяснял различные

явления жизни, и заменить их своими «пятнадцатью анализаторами», составляющими его «н.т.б.», вследствие чего произойдет реорганизация всех научных понятий, начиная с математических и кончая философскими. Даже «анализаторы» математики «единица» и «бесконечность» реорганизуются переживающим этот катаклизм организмом, и соответственно многое реорганизуется в теории физики и химии, «безвозвратно, полностью гибнут все теории логики, теории познания, научной методологии, все вообще теории социальные и социологические...»<sup>17</sup>. В этом «столкновении единой системы органических движений с полностью гибнущими, “вечными” ценностями “познанием”, “разумом”, “логикой”, – совершенно впервые полностью раскрывается, обнажается временный, относительный характер этих “вечных” ценностей и их явно классовый, явно разбойничий, явно эксплуататорский характер»<sup>18</sup>.

Разумеется, перед нами не рядовой пример «новой революционной науки» тех лет. Зато это яркий образчик «утопической науки», т. е. науки, ставшей органическим элементом утопического сознания. Именно благодаря полному совпадению этих «научных» изысков с пронизанным утопизмом духом времени столь одиозные «новые скрижали грядущего» (самохарактеристика Енчменовской теории) смогли оказать значительное влияние на умы послереволюционной молодежи<sup>19</sup>, которую привлекало не столько собственно научное (если здесь вообще применим этот термин) содержание этой «теории», сколько ее безмерный радикализм и нигилизм по отношению ко всей прошлой науке и культуре и еще более ее претензии перевернуть мир. Кроме уже названных «родовых» признаков утопии, можно указать и на методологическую близость «н.т.б.» утопизму: подмена объяснения и доказательства осуждением и убеждением, проповедь, учительство и разоблачительство вместо критического анализа, крайнее упрощение, утилитарная трактовка целей и задач науки.

Мы привели здесь лишь один пример вторжения утопического сознания в науку, но и на нем можно проследить те мутации в научном сознании, которые оно способно произвести. Дальнейшее развитие науки в условиях господства утопического сознания и подавляющего воздействия утопической идеологии породило может и менее гротескные, но значительно более трагические эпизоды в истории нашей науки, о которых в последние годы было высказано много горькой и страшной правды.

## Примечания

- <sup>1</sup> Правда, как демонстрирует П.Фейерабенд, критика утопизма в науке сама может быть утопической, если основывается на неправомерной абсолютизации какого-либо идеала, в данном случае идеала свободного общества. Ценой либерализации понятия рациональности стала у Фейерабенда нивелировка специфики научного мышления, приводящая к его полной неотличимости от иных способов освоения мира: искусства, мифа, религии, а мы бы добавили и утопии. (См. Критику концепции П.Фейерабенда: *Никифоров А.Л.* От формальной логики к истории науки. М., 1983; *Касавин И.Т.* Теория познания в плену анархии. М., 1987).
- <sup>2</sup> См.: *Черткова Е.Л.* Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1996. С. 156-187.
- <sup>3</sup> В.И.Вернадский, проследившая последовательность формирования Пифагором числовых соотношений при переходе к ним от религиозной культовой практики через музыкальную гармонию, показывает так же, как происхождение математики влияет и на ее функционирование в современной науке, и особенно ее эмоциональное воздействие на ученых: «С тех пор искание гармонии (в широком смысле), искание числовых соотношений является основным элементом научной работы. Найдя числовые соотношения ум успокаивается, так как нам кажется, что вопрос, который нас мучил, решен» (*Вернадский В.И.* Научное мировоззрение // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение. М., 1991. С. 181).
- <sup>4</sup> См. Об этом: *Огуцов А.П.* Философия науки эпохи Просвещения. М., 1995.
- <sup>5</sup> Характерно, что страстный защитник идеи правды-истины Н.К.Михайловский соединял в своих взглядах сциентизм в форме позитивизма О.Конта и утопизм (не являясь в полной мере ни тем, ни другим). Как отмечает В.В.Зеньковский, «у Михайловского всюду поразителен этот контраст между убогим позитивизмом и глубокими духовными исканиями» (*Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. I. Ч. 2. Л., 1991. С. 179).
- <sup>6</sup> Цит. по: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 174.
- <sup>7</sup> Там же. С. 178.
- <sup>8</sup> Там же. С. 181–182.
- <sup>9</sup> *Филатов В.П.* Тоталитаризм и «великое преобразование природы» // Сознание в социальном измерении. М., 1990. С. 130–142.
- <sup>10</sup> *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела // *Федоров Н.Ф.* Соч.: В 2 т. Т. I. М., 1982. С. 406.
- <sup>11</sup> Так называет В.В.Зеньковский убеждение Федорова в том, что после Христа реализация спасения уже целиком зависит от людей (*Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 2. Ч. I. Л., 1991. С. 139–140).
- <sup>12</sup> Там же. С. 140.
- <sup>13</sup> Прекрасная по своей ясности и точности характеристика этого явления дана Н.О.Лосским: «У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать

формальной религиозностью, именно страстное фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога, на основании научного знания» (*Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 251*).

- 14 В.П.Филатов так описывает настроение в «революционной» науке: «Идеи “переналадки” человека, создания нового массового человека... классовое преобразование сексуальной сферы и многое аналогичное этому ставилось в качестве задач “новых наук” о человеке — психотехники, педологии, марксистского психоанализа и др. Эти поиски поддерживались видными государственными деятелями — Семашко, Луначарским, Бухариным. Последний, например, в своей полемике с физиологом Павловым, сомневавшемся в возможности переделки человека, заявил, что можно переделать и человека, и общество так, как нужно, только не с помощью старой “лилипутской” науки Павлова, а на основе новой науки, “науки Гулливера”» (*Филатов В.П. Указ. соч. С. 134*).
- 15 *Енчмен Э.С. Восемнадцать тезисов о «Теории новой биологии»* (Проект организации революционно-научного совета Республики и введения физиологических паспортов) // *На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение. М., 1990. С. 226*.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 228.
- 18 Там же. С. 225.
- 19 В некоторых вузах даже создавались кружки «тэ-энбистов», в которых изучались работы Енчмена с целью их внедрения в жизнь.